

Оглавление

До 7

Часть первая

Пропавшая женщина

Глава первая 33

Глава вторая 55

Глава третья 103

Глава четвертая 142

Глава пятая 161

Часть вторая

Пропавший пес

Глава шестая 181

Глава седьмая 208

Глава восьмая 224

Глава девятая 249

Глава десятая 265

Глава одиннадцатая 288

Глава двенадцатая 304

Глава тринадцатая 322

Эпилог 346

Благодарности 348

Примечание автора 350

До

Часы пролаяли двенадцать раз. И день, когда я решила завести собаку, наступил. Бросаю взгляд на часы моего дилера, но вместо цифр — телевизионные семейные любимцы. Очередь Лесси объявлять о полуночи.

Что, черт возьми, здесь делает детский будильник?

Сердце жилища Тима — не камин, не кухня и даже не телевизор, а большой стол из мрамора и стекла. Готова спорить, все сходили по таким с ума в восьмидесятые, когда молодой Тимбо еще носился с товаром по городу. Сейчас лондонцы сами приходят к нему домой и, сгорбившись над старомодным монстром, через свернутые трубочкой банкноты втягивают кокаин в дыхательную систему, откуда он, всасываясь в кровеносные сосуды слизистой оболочки, попадает в кровоток, разносится по телу и ударяет в мозг. Бум — вспышка дофамина. Чудесный дофамин, наркотик счастья, который вырабатывает и наше собственное тело. Если его достаточно, чувствуешь себя великолепно, даже если на самом деле все на редкость хреново.

Время летит незаметно. Каждый проведенный здесь час эхо невинности вызывает ко мне из далекого прошлого, из жизни, по большей части прожитой зря. Кажется, Лесси только что предупредительно гавкнула — все должны лежать в постельках, когда Бэгпус¹ начнет зевать,

¹Тряпичный кот, персонаж популярного британского детского телесериала. (*Здесь и далее прим. ред.*)

навевая дремоту. Час ночи. Деткам пора спать. Впрочем, посетителей Тима это не касается. Они всегда страшно общительны, порочны, возбуждены и энергичны; они кричат, признаваясь в самых жутких секретах, спорят, тыча друг в друга пальцами, исполняют унылые, совсем не возбуждающие эротические танцы, с ходу становятся друзьями навек — пока наркотик не выветривается и радость не сменяется отчаянной нуждой в следующей дозе. После этого никто из них уже тебе не друг — кроме Тима, конечно. Старого доброго Тимбо.

Называть Тима дилером не совсем правильно: сначала он просто щедро угощал народ идеальным снежно-белым коксом. Не какой-то разбодяженной мукой дрянью за тридцать фунтов из паба. Грамм аппетитной дорожки Тима стоил сто тридцать фунтов. К нему потянулись торчки из тех, кто «поприличнее» — если можно их так называть. В конце концов Тим сказал «нет» благотворительности, и ему начали платить.

Под часами, чья маленькая стрелка добралась до Мистера Ти¹, сидят два бессовестных банкира. Одного считают гением, финансовые таланты другого куда скромнее, зато он красавчик, — если, конечно, вам нравятся парни в строгих костюмах и с зализанными волосами. Перекрикивая друг друга, они обсуждают LIBOR² и сложные финансовые транзакции. Давайте назовем их либористами.

Кроме меня здесь еще одна женщина — молоденькая, с ногами от ушей, в игривых кожаных шортиках и соблазнительной майке-алкоголичке, приоткрывающей сбоку ее симпатичную маленькую грудь. Это подружка

¹ Мультипликационный и телевизионный персонаж, воплотивший личность американского актера с соответствующим псевдонимом, Лоренса Тьюро.

² London Interbank Offered Rate — лондонская межбанковская ставка предложения по взаимному кредитованию.

банкира, того, что поумнее, но он, впрочем, весь вечер не обращает на нее никакого внимания. Допустим, ее зовут Чика. Внимание Тима колеблется между ней и банкирами. Он увлечен болтовней девицы насчет амбиций стать инфлюенсером — это было бы здорово, потому что офлайн она никому рта не дает раскрыть. Между всеми словно пробежала искра, но мне хватает опыта понять: дело в наркотиках. Это они сейчас говорят и слушают за нас. По возрасту я гожусь Чике в матери, а Тим — пусть не обманывает его черная как смоль шевелюра — вообще сойдет за деда. Утром у нас не останется ничего общего.

Я сижу, склонив голову, изображаю, что внимательно слушаю, хотя на самом деле мне все равно. Просто наслаждаюсь безболезненным бегством от смутного дискомфорта, преследующего меня всю сознательную жизнь, если только я не под кайфом от сменяющихся друг друга спорта, выпивки, таблеток, любви и работы — всех этих проверенных анестетиков. Все равно рано или поздно они приводят меня сюда.

Пепельница наполнена доверху, и раз в час в полумрак проваливается очередная знакомая с детства фразочка из часов Тима. В квартире темно, только стол подсвечен свисающей сверху лампой и нашим жадным вниманием.

К четырем утра настроение безнадежно портится, и я погружаюсь в мрачное молчание. Уже не пытаюсь вклиниться в самодостаточный монолог Чики. Горючее заканчивается.

Мне нужно больше. Больше наркотиков.

Шкура мертвого животного пронзительно скрипит под восхитительной кожей ног Чики на белом диване Тима. Такая мебель больше подойдет какому-нибудь плейбою международного уровня. А звук такой, будто парни гоняют на старых машинах. Квартира и в самом деле словно вне времени. Особенно это заметно днем — не могу вспомнить, чтобы шторы когда-нибудь раздвигали.

Смотрю вверх. Этих чертовых часов здесь вообще быть не должно. Им место в детской или на семейной кухне, залитой солнечным светом и пахнущей печеньем.

Из гигантского стерео с большими дисплеями несется голос Фила Коллинза. У Тима есть наркотики, а там, где они, всегда найдется кто-то, готовый на секс, но Тим отстаивает рок-н-рольную часть уравнения¹. Он занят Чикой, обсуждает монетизацию ее инстаграм-аккаунта, рекламодателей и бренды, которые заплатят ей за контент. «Уверен, ты привлечешь и мужскую аудиторию».

Ко мне потихоньку возвращается цинизм. Когда-то зрелище молоденьких женщин, медленно развращаемых Тимами всего мира, этим старичьем с дорогими наркотиками, я находила печальным и оскорбительным для моих феминистских принципов. Сейчас же просто отмахиваюсь от этой мысли. Обычная в своей повседневности гибель осчастливленных людей меня больше не волнует. Французский писатель Гюисманс писал о «сердце, ожесточенном и иссушенном распутством» — лучше, по-моему, и не скажешь. Хорошие девочки едут в Лондон и быстро портятся — частенько вполне охотно, если судить по моему собственному быстрому падению. Я знаю, это считают трагедией гендерного неравенства, но, как по мне, от этого страдают все.

Чика мельтешит перед нами с важным видом, вещает о своем блестящем будущем. Она еще ничего не поняла. Театрально замерла с телефоном в руке. «Селфи!»

Нет, нет и нет. Ни за что. Так и вижу свои пустые глаза. Затуманенный взгляд, безжизненную в пять утра кожу, седые корни волос и размытую линию подбородка. Я закрываю лицо руками.

— Да ладно тебе! — возбужденно убеждает Чика. — Я вот даже не верю, что вы с моей мамой одного возраста!

¹ Имеется в виду «секс, наркотики, рок-н-ролл».

— Нет! — я будто кричу на пса, который собрался стащить со стола стейк.

Сама Чика выглядит безупречно. Атласная ткань гладкой кожи, свободное и легкое стройное тело, волосы роскошно отливают природным золотом. С сияющего свежестью лица на меня смотрят красивые глаза, оттененные снизу легкой синевой. Смотрят пристально и слегка обиженно.

— Нет? Но почему?

— Потому что даже если я каким-то чудом и выгляжу нормально, все равно терпеть не могу селфи. Они для убогих нарциссов, и чувствуешь себя по-идиотски.

— Брось, у меня тут классный фильтр, — бормочет Чика, шаря в телефоне. Рассказывает, как много селфи ей нужно каждый день постить в социальных сетях, иначе какой из нее инфлюенсер.

— Я в любом случае не думаю, что все это надо каким-то образом запечатлеть для истории. Хочется — валий, но уж как-нибудь без меня.

Тим предлагает сфоткать Чику, и она ложится на его дурацкий белый диван, вытворяя ножками что-то очаровательное. Надувает губки, он делает снимок. Пряма Дэвид Бейли¹. Фу. Поправляет ей волосы. Да у нас тут *#обыкновенныйсексизм*. Мой большой друг Тимбо, озабоченный сексуальный паразит с увесистым денежным мешком. Что ж такого притягательного в средних лет извращенце с небольшим брюшком, неестественно черными волосами и сумкой, набитой самыми дорогими в Лондоне наркотиками?

Один из либористов, тот, что поумнее, все еще в пиджаке, но уже снял галстук и расстегнул две верхние пуговицы рубашки. Намасленные волосы свисают по сторонам пепельно-бледного лица. Парень орет с другого конца

¹ Дэвид Ройстон Бейли (род. 1938) — известный английский фэшн- и портретный фотограф, один из основоположников жанра английской «модной» фотографии.

припорошенного алтаря о том, что, несмотря на внешний вид, на самом деле он анархист, и Тим это знает. Что им «нужно не что иное, как социальная революция...». Жду, пока он не заткнется — хочу задать разумный вопрос.

— Можно я кое-что скажу, — прошу настойчиво.

Он останавливает меня жестом руки. То, о чем он жаждет поведать, бесконечно и безотлагательно.

— Нет, могу я спросить, — все же выпаливаю я. — Если ты анархист и социалист, тогда почему ты банкир?

Увы, горло у меня пересохло, и последние слова звучат как-то неубедительно, словно слабый треск коры.

— Нас определяет не профессия, а результат наших действий, — парирует парень и продолжает, обращаясь к симпозиуму за столом: — Да, все это, конечно, немного спорно, но пуританский подход к таким вещам — еще более серьезное препятствие для прогресса...

Брутальный, шумный, напыщенный... и явный наркоман; костюм сидит на нем мешком, в уголках рта маленькие V-образные отметины из засохшей пены того же цвета, что и корочка вокруг его любимой измученной ноздри. Похоже, банковское дело дается ему нелегко.

Мне нужна вина — с этой мыслью направляюсь к холодильнику Тима, полному холодного шабли «Вайтроуз». Ммм, вино. Одна мысль о нем разгоняет этот экзистенциальный мрак.

Маленькая импровизированная фотосессия Тима и Чики закончилась, и они переключаются на меня. Но говорить что-то не тянет. Хочется всего лишь выпить чудесного пойла из супермаркета и помолчать. К тому же я не могу придумать интересную тему для беседы.

Чика уже успела сообщить, что она веган, не пьет и не принимает наркотики, и я изумленно смотрю на нее.

— А, сейчас? Ну, это особый случай. Иногда нужно расслабиться.

— В смысле... Ты же пьешь, принимаешь наркотики, и шорты у тебя из натуральной кожи.

— Да, но я позиционирую себя как свободную от зависимостей.

— Ой, прекрати. — У нее отвисает челюсть. — Ты ж вконец обдолбана.

Это что-то новенькое. Раньше мы наших пристрастий особо не прятали. Прошло лет двадцать или больше с тех пор, как я с гордостью носила самодельную гламурно-вызывающую футболку с надписью «Junkie's Buddy Powder»¹, обыгрывающую бренд знаменитой детской присыпки компании «Джонсон и Джонсон». В девяностые эта майка была главным предметом в гардеробе девушек определенного типа. Еще я часто надевала футболку «Clean & Serene» от клиники Бетти Форд², что британцы воспринимали как шутку, а американцы начинали с ходу размахивать брелоками клуба анонимных алкоголиков, полученными в ознаменование десяти лет трезвости. У большинства моих подруг при их образе жизни со временем появился в качестве так называемой «патиэктомии» как минимум один ребенок. Дети дали им то, за что другие платят по тридцать тысяч фунтов: причину быть трезвой. Материнство или реабилитация? У меня не случилось ни того, ни другого.

Тиму увязывается за мной на кухню, рассказывая своему ангелу с невинными глазами лани, какие мы с ним старые друзья, как сильно он меня любит и как в ее возрасте я не вылезала из его дома на Маунт-стрит в Мэйфэр. Что у него

¹ В приблизительном переводе — «порошок для нарков». Обыгрывается сходство с оригинальным слоганом — «Johnson's Baby Powder».

² Элизабет Энн Блумер Форд (1918–2011) — супруга президента США Джеральда Форда, известная благотворительной деятельностью, направленной на борьбу с алкоголизмом и наркоманией.

всегда были благие намерения и всю мою взрослую жизнь он служил мне надежной опорой — подпитывая умеренное пристрастие к кокаину два десятилетия — мол, это то, что друзья делают друг для друга. Он еще и законченный наркоман, что превращает его в приятеля довольно сомнительного.

Чика, заметив мое уныние, включает — боже, помоги нам — терапевтический режим.

— Ты такааая крутая и классная, я прям тобой восхищаюсь. Ты так много думаешь о карьере. Понимаю полностью. Правда. Типа, ты даже и сама-то не знаешь, хочешь ли детей.

Дети. Теперь она уцепится за детей.

— Слишком поздно, — отрезаю с холодностью, которая заткнула бы рот большинству человеческих существ, чувствующих собеседника. Но не Чике. Ее понесло. Она уверена, что ею движет эмпатия, хотя на самом деле — желание болтать, болтать и болтать. И снова болтать. Единственное, что объединяет ее сейчас с Зигмундом Фрейдом, — страсть к кокаину. Если карьера в Инстаграме не задастся, ей прямая дорога в пиар-службу последователей фрейдизма.

— Ничего не поздно. У меня есть одна подруга...

Всю ночь мы с Чикой были лучшими друзьями, но теперь, с первыми признаками отходняка, она начинает меня раздражать. Остатки ночного кайфа улетучиваются. Есть только один вариант продолжить веселье: еще больше наркотиков. Но это перебор. Нужно уходить, и побыстрее.

Я встаю. Чика все твердит о подруге, которой лет двести или что-то вроде того, но она только что родила пятерых близнецов. Меня уже бесят ее милые ножки и услужливое личико, скачущее перед глазами.

В голове слабый унылый шум и смутные неприятные ощущения. И еще более отчетливые, но оттого раздражающие мысли: каковы мои ноги в сравнении с ее, смогу ли

я надеть такие же шорты; хватит ли денег, чтобы убрать седую полосу в проборе. Затем картина разворачивается и становится экзистенциальной. Проблески с образами родителей, братьев и сестер, моего бойфренда Чарли, — какой вообще во всем этом смысл? Ненавижу свою жизнь. И работа, работа, работа... словно птица, долбящая клювом голову. Я вновь и вновь оправдываюсь перед собой, будто накосячила бессонной ночью накануне школы.

Повторяю хорошо знакомую ложь: вернусь домой к шести, встану до полудня, буду писать до восьми вечера и сделаю столько же, сколько положено нормальному человеку. Для завтрашней статьи нужно еще тысячу слов, и я ее закончу, я смогу, не надо беспокоиться насчет завтра. С жадностью глотаю вино, словно лимонад, из бокала от «Ридель» — Тим по опыту знает, что такие бокалы без ножек обдолбанным гостям сложнее опрокинуть.

Но навязчивая мысль возвращается снова и снова, и экзистенциальный шум в голове превращается в болезненный визг.

Работа. Работа. *Работа*. РАБОТА, черт побери! Мой дух цепляется за каждое ребро, утопая в яме живота. Господи, помоги; помоги выбраться отсюда, помоги сказать «нет».

Где-то среди нарастающей кокаиновой тревоги разум пыгается достучаться и успокоить. Ты ведь уже была здесь раньше. Ты справишься. Иди домой. Домой, к своему расудительному парню, который спит в большой удобной кровати. Завтра — это всего лишь еще один день.

Нет, завтра — это уже сегодня. Работа. Работа. *Работа*.

— Все в порядке, дорогая? — Тим стоит ко мне вплотную, а я опираюсь на кухонный стол, сутулясь и уперев подбородок в грудь. Он вытягивает руки, чтобы обнять, и я неохотно подчиняюсь, как упрямый подросток в бескрайней хватке усатой тетки, старой девы. — Иди, дорогая, иди к Тимбо.